

СТРОПІНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 6.
ІЮНЬ
1912 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VII

Издания журнала „ТРОПИНКА“.

Безобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для
учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Бгльвская О. А. „Напель“. Стихотворенія. 40 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. заведеній и для учен. библ. низшихъ
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Егоровъ Л. И. „Исторія воздухоплаванія“. Съ рис. Цѣна 25 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. низшихъ учебн. завед.

Кондрюшкинъ И. С. „Въ деревнѣ“. Разказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Карроль Льюисъ „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“. Переводъ съ англійск.
Allegro. Съ рисунками. Цѣна 1 р.

Линдонъ Джозъ. „Букъ“. Исторія одной собаки. Переводъ съ англ. Н. Манасеиной.
Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ перепл. 75 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. низшихъ училищъ.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученнч. библ. низш.
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи. Допущено въ ротныя библіо-*
теки кадетскихъ корпусовъ для Ш—У классовъ.

Малахѣва-Мировичъ В. Г. „Золотой домъ“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна въ
обложкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученнч. библ. низш.
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунк. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. млад. возраста средн. учебн. завед. и для ученнч. библ. низш. учебн.
завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, за-
служивающихъ вниманію при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. завед.

Манасеина Н. И. „На Рождествѣ“. Три разказа. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ
50 к., въ переплетѣ 80 к.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. млад. возраста средн. учебн. завед. и для ученнч. библ. низ. учебн.
завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. низ. училищъ и признама
заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народн. читал. и библ.

Допущено въ ротныя библ. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасеина Н. И. „Мамино дѣтство“. Разказъ изъ институтской жизни. Съ рисунк.
Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, за-
служивающихъ вниманія при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. заведеній и допущено въ ученнч. библ.
городскихъ училищъ.

Манасеина Н. И. „Овсянни“. Пять разказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ
50 к., въ переплетѣ 80 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. низшихъ училищъ и при-
знано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученич. библ. средн.
учебн. заведеній.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младш. класс. ср. уч. зав. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Поливановъ В. П. „Воронъ.—Индѣйцы“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученнч. библ. низш.

учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Императрицы Маріи.*

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. низшихъ учебн. завед.

1912 годъ.

Июнь № 6.

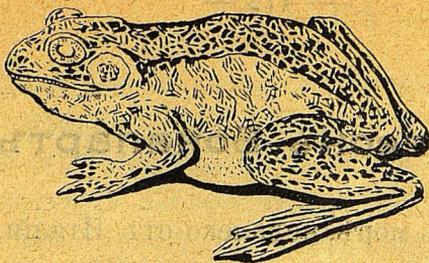
ЖУРНАЛЪ
ТРОПИИКА.

Содержаніе.

1. Новоселье—стихотвореніе *М. Моравской.*
2. Наполеонъ Бонапартъ—*П. Мамаева.*
3. На вершину Арарата—*А. Дюидисъ.* (Окончаніе).
4. Знакомство съ царствомъ растеній—*С. Лебедева.*
(Продолженіе).
5. За счастьемъ—съ итальянскаго *Е. Владиміровой.* (Продолженіе).
6. Историческій календарь.
7. Фигурки изъ бумагъ и спичекъ.—*О. Форшъ.*

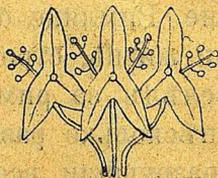

Новоселье.

Дожди, какъ изъ ушата,
Но въ прудикѣ веселье:
Лягушка Толстоцята
Справляетъ новоселье,
И пляшутъ лягушата
Ужъ цѣлую недѣлю.
А сколько дѣсенъ спѣли!
А сколько мухъ поѣли!!
Все прыгаютъ, все пляшутъ,
Все лапочками машутъ,
Головками качаютъ
И звонко подпѣваютъ:
„Дань! дань! дань!“
И въ листики кувшинки
Стучать для нихъ дождинки,
Словно въ барабанъ.

М. Моравская.

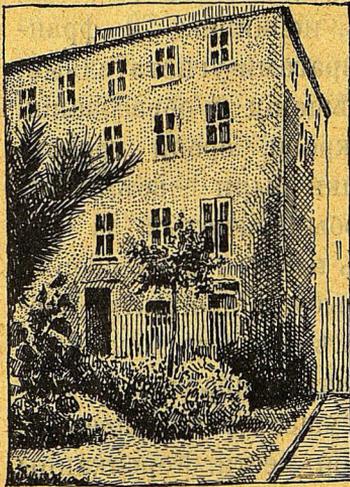

Наполеонъ Бонапартъ.

НА Средиземномъ морѣ, недалеко отъ Италиі, возвышается, среди голубыхъ волнъ, маленькій островъ Корсика. На островѣ—горы, множество дикихъ ущелій и глубокихъ долинъ. Съ гранитныхъ скалъ шумно срываются и стремительно бѣгутъ горныя рѣчки, рожденныя снѣгомъ и солнцемъ. Кругомъ, по горнымъ склонамъ, зеленые виноградники и серебристо-сѣдые рощи оливъ, а выше — непроходимые лѣса. Въ нихъ каштаны и буки перемѣшаны съ древними, стройными елями. Среди лѣсовъ—пастбища, гдѣ пасется скоть. Въ горахъ много всевозможныхъ минераловъ. Въ прибрежныхъ долинахъ — поля, огороды и фруктовые сады. Богатая природа, горячее солнце, лазурное море. Казалось бы, жизнь людей на Корсикѣ должна итти счастливо и мирно, но было это не такъ. Съ древнѣйшихъ временъ красивый, плодородный островъ привлекалъ завоевателей и переходилъ отъ одного народа къ другому. Побѣдители были суровы и жестоки, а корсиканцы любили свободу и боролись за нее, не щадя жизни. Вспыхивали возстанія, загорались битвы, лилась кровь. Но чужеземцы были сильнѣе, и корсиканцамъ приходилось смириться. А черезъ недолгое время являлись новые завоеватели, побуждали недавнихъ побѣдителей и захватывали островъ въ свои руки. Являлись на Корсику и финикіяне, и карагеняне, и римляне. Римляне были жестоки къ жителямъ острова, но устраивали жизнь, строили города, обносили ихъ крѣпкими стѣнами. Вслѣдъ за римлянами явился дикій народъ—вандалы. Они нѣсколько разъ вторгались на Корсику, все уничтожали, все разрушали, все захватывали, и подъ ихъ

грубымъ, жаднымъ владычествомъ истощился и обѣднѣлъ богатый, плодородный островъ. Но потомъ вандалы были прогнаны другими народами, и эти народы попеременно владѣли островомъ, а корсиканцы, не переставая стремиться къ свободѣ, возставали, боролись, сражались и умирали. Ихъ характеръ не мѣнялся въ теченіи многихъ вѣковъ. Они оставались все такими же гостепріимными и свободолюбивыми. Въ ихъ жилахъ текла все та же горячая кровь ихъ предковъ, происходившихъ отъ римлянъ, арабовъ, испанцевъ и французовъ. Среди непрерывной борьбы съ врагами-угнетателями, они не могли много заботиться о просвѣщеніи и образованіи: нельзя учиться на развалинахъ, въ крови, среди грохота битвъ. Очень многіе изъ жителей Корсики были совсѣмъ неграмотны. Имъ хватало ихъ знаній, чтобы сражаться за свободу родины, пасти свой скотъ, собирать воскъ и медь своихъ пчель, вылавливать кораллы, ловить рыбу и добывать морскую соль. Образованіе, новыя знанія не мѣняли ихъ взглядовъ на природу и людей. Корсиканцы держались нравовъ и обычаевъ своихъ предковъ. У предковъ существовалъ древній, жестокій обычай „вендетты“ или кровавой мести. Корсиканцы жили тѣсными, дружными семьями. Каждый членъ семьи горячо защищалъ не только близкихъ родственниковъ, но и всѣхъ членовъ своего рода. Если одному изъ членовъ рода или семьи было нанесено оскорбленіе или сдѣлана обида, родъ считалъ долгомъ чести отомстить обидчику. Для совершенія этой кровавой мести выбирался одинъ изъ членовъ семьи, по большей части молодой, неженатый человекъ, и вся его жизнь съ тѣхъ поръ была направлена къ тому, чтобы убить обидчика. Какъ—все равно: убить ли въ честномъ, открытомъ бою или хитростью заманить въ западню и умертвить обманутаго и безоружнаго. Обычай кровавой мести былъ губителенъ для Корсики. И безъ

того гибли ея лучшія силы въ непрерывной борьбѣ съ чужими народами Европы, съ африканскими племенами и морскими разбойниками-пиратами, а вендетта вела къ гибели сотни и тысячи молодыхъ корсиканцевъ. Они убивали другъ друга, вмѣсто того, чтобы защищать свою прекрасную и несчастную родину.

Домъ въ Аяччіо на островѣ Корсикѣ, гдѣ родился Наполеонъ Бонапартъ.

Такъ пролѣтали годы, такъ проходили вѣка надъ маленькимъ гористымъ и лѣсистымъ островомъ, среди лазурныхъ волнъ Средиземнаго моря. Эта вѣчная борьба, вѣчное кровопролитіе, вѣчная близость смерти и при этомъ—крѣпкая семейная дружба и жажда жизни среди здороваго климата и красивой щедрой природы—все это не могло пройти безслѣдно въ исторіи человѣчества. Какъ дерево должно изъ сѣмени пустить корни и ростокъ, превратить его въ стволъ, развить вѣтви, дать листья, цвѣтъ и плодъ, такъ развивается, растетъ, цвѣтетъ и приноситъ плоды свои въ исторіи каждый народъ. Дерево цвѣтетъ, когда въ немъ скопляется всего больше крѣпкихъ соковъ отъ весенней влаги и солнца. Такъ и для народа приходитъ срокъ зацвѣсти, когда въ немъ накопится всего больше жизненныхъ силъ. Накопленная вѣками сила маленькаго острова на Средиземномъ морѣ дала огромный, роскошный, кроваво-красный цвѣтокъ. Цвѣтокъ этотъ былъ великій полководецъ, страшный завоеватель, чудовищный гений—Наполеонъ Бонапартъ.

Онъ родился 15 августа 1769 года въ Аяччіо, главномъ городѣ Корсики.

Отецъ Наполеона былъ корсиканецъ, а мать, Летиція, — итальянка. Она была необразованная, но умная женщина и съ очень сильнымъ характеромъ. Наполеонъ былъ ея вторымъ ребенкомъ; послѣ него къ семьѣ прибавились еще три дѣвочки и два мальчика.

Отецъ былъ довольно безпечный человѣкъ, и весь домъ держался матерью. Старая преданная служанка — итальянка Манучія, усердно помогала своей госпожѣ изворачиваться на тѣ гроши, которыми она располагала. Дѣти были сыты, но учить ихъ было не на что. Хорошо, что старый дядюшка-каноникъ (архидіаконъ) пожалѣлъ племянниковъ и принялся за ихъ обученіе.

Кононикъ былъ человѣкъ старый и очень строгій. У такого учителя учиться трудно и не весело. Наполеонъ былъ прилеженъ и исполнительенъ, но требовательный дядюшка часто оставался недоволенъ имъ. Мальчика наказывали, но онъ никогда не плакалъ. Даже, когда его сѣкли, не плакалъ. А дядюшка, приглядываясь къ тщедушному мальчику съ огромной головой и необыкновенными глазами, часто говорилъ его родителямъ:

— О будущности этого малыша вамъ нечего заботиться: онъ пробьетъ себѣ дорогу самъ.

Съ братьями и сестрами Наполеонъ жилъ довольно дружно, хотя частенько и поколачивалъ ихъ. Онъ былъ вообще большимъ драчуномъ. Много времени съ дѣтьми онъ не проводилъ. Предпочиталъ одиночество. Любимымъ мѣстомъ его прогулокъ была уединенная пещера въ скалѣ, возлѣ моря. Въ нее рѣдко кто заглядывалъ, а Наполеонъ приходилъ ежедневно и часто по два раза въ день. Сидѣлъ, смотрѣлъ на

море, думаль, мечталъ. Мечталъ объ Итали, про которую ему много и часто рассказывала мать. Эти рассказы, и рассказы о римскихъ императорахъ-завоевателяхъ были его любимыми.

Въ Аяччіо Наполеонъ оставался до девяти лѣтъ. Къ этому времени дядюшкѣ-канонику удалось выхлопотать, чтобы племянника приняли на казенный счетъ въ военную французскую школу въ Бриеннѣ.

Наполеонъ Бонапартъ въ Бриенской школѣ. Картина Дюна.

Грустно было мальчику уѣзжать изъ родного Аяччіо къ французамъ, къ которымъ онъ относился, какъ къ врагамъ своей родины. Мать, Манучія, братья и сестры—всѣ проводили его на корабль, когда онъ съ отцемъ уѣзжалъ во Францію.

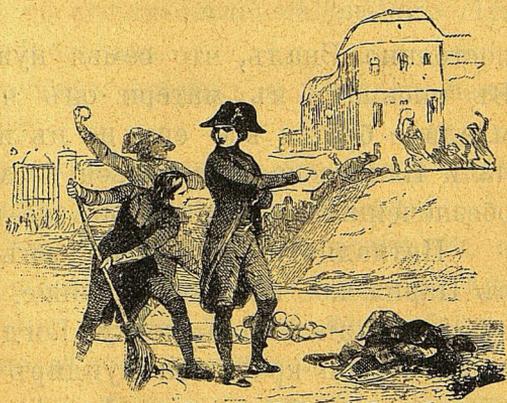
Въ Бриеннѣ Наполеону первое время пришлось очень плохо. Онъ ни слова не говорилъ по французски. Товарищи надъ нимъ смѣялись, дразнили дикимъ корсиканцемъ. Маль-

чикъ смотрѣлъ на нихъ волченкомъ, сверкаль глазами и сжималъ кулаки.

Довольно скоро онъ научился языку, но долго произносилъ французскія слова очень плохо, съ корсиканскимъ выговоромъ. Насмѣшки надъ нимъ не прекращались. Кромѣ того, Наполеонъ былъ самый бѣдный изъ учениковъ. Они всѣ имѣли свои карманныя деньги, у нѣкоторыхъ даже были свои собственные слуги. У Наполеона не было ни гроша, и онъ всегда уклонялся отъ всякихъ товарищескихъ складчинъ и расходовъ на праздники и подарки учителямъ.

Страшно самолюбивый, онъ старался это дѣлать такъ, чтобы, по возможности, скрыть свою бѣдность. Отъ товарищей онъ держался всегда вдаль. Это было для него не трудно. Игры и забавы, которыми развлекались въ школѣ, ему не нравились. Онъ предпочиталъ въ свободное время читать. Книги ему замѣняли все. Особенно онъ любилъ историческіе рассказы. Читая описанія войнъ и побѣдъ, онъ забывалъ все на свѣтѣ. Всѣ привыкли къ тому, что онъ неохотно участвуетъ въ играхъ. Но разъ онъ поразилъ всю школу.

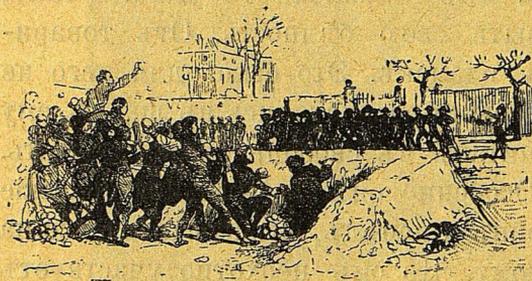
Была зима, и снѣга выпало такъ много, что завалило весь садъ. Ученики не могли гулять. Тогда Наполеонъ предложилъ расчистить дорожки, устроить изъ снѣга крѣпость и поиграть „въ сраженіе“. Предложеніе понравилось. Воспитанники взялись за лопаты, и работа закипѣла. Когда же крѣпость была

Работа закипѣла.

готова, вся школа разбилась на два отряда: на осажденныхъ и нападающихъ. Началась битва.

Наполеонъ сразу точно переродился. Исчезло угрюмое, угловатое существо. Онъ сдѣлался ловкимъ, влѣхновеннымъ. Полководцемъ его никто не выбиралъ. Онъ самъ сталъ имъ. Онъ велъ сраженіе, командовалъ, и не въ одномъ отрядѣ, а сразу въ обоихъ и дѣлалъ это такъ, съ такимъ знаніемъ дѣла, съ такой сообразительностью и одушевленіемъ, что увлекъ и подчинилъ себѣ всѣхъ. Съ этихъ поръ, сраженія сдѣлались любимой игрой въ училищѣ. Воспитанники занимались ими, пока не растаялъ снѣгъ.

Началась битва.

Когда же прекратилась эта игра, Наполеонъ опять отдалился отъ товарищей. Ихъ другія игры его не увлекали. Онъ предпочиталъ имъ книги и собственные мысли.

О домѣ онъ думалъ постоянно. Зналъ, что семья нуждается, и это угнетало его. Въ письмахъ къ матери онъ часто скорбѣлъ о томъ, что младшіе братья все еще не въ школѣ. Всѣ эти заботы удручали Наполеона. Веселиться и смѣяться, какъ веселились его обезпеченные товарищи, онъ не могъ.

Пятнадцати лѣтъ Наполеонъ кончилъ школу и перешелъ въ Парижское военное училище, а черезъ годъ началъ службу въ провинціальномъ полку. Когда Наполеонъ въ первый разъ надѣлъ свой красивый мундиръ и пришелъ къ своимъ знакомымъ, то всѣ старшіе дѣти этого семейства были поражены его великолѣпіемъ. Только самая маленькая дѣвочка сказала,

что онъ похожъ на кота въ сапогахъ. Наполеонъ въ отвѣтъ разсмѣялся и подарилъ дѣвочкѣ шоколаднаго кота въ сапогахъ.

Первое время его радовало, что онъ едѣлся, наконецъ, взрослымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ и настоящимъ военнымъ. Но радовался не долго. Служба оказалась скучной. Жить пришлось впроголодь. Въ это время Наполеонъ ѣлъ всего одинъ разъ въ день, самъ чистилъ себѣ одежду. Но онъ былъ самолюбивъ и запиралъ двери на засовъ, чтобы никто не видѣлъ его бѣдности. Въ обществѣ товарищамъ не приходилось за него краснѣть. Никто не догадывался, до какой степени онъ нуждался.

Наполеонъ былъ выносливъ. Вытерпѣть онъ могъ очень много. Лишенія его не пугали. Страшила его только мысль, что и впереди нельзя ждать ничего хорошаго. Онъ хотѣлъ славы, высокаго положенія, но у него не было никакихъ связей, и никто не обращалъ вниманія на маленькаго неудовлетвореннаго офицера.

День ото дня Наполеонъ становился все сумрачнѣе. Семейныя дѣла, какъ всегда, его не веселили. Отецъ умеръ. Семья еще больше обѣднѣла, а Наполеонъ не могъ ей помогать. Взялъ только къ себѣ своего любимца, маленькаго Луи, и вдвоемъ съ нимъ жилъ впроголодь.

Но вотъ Наполеонъ получилъ отпускъ и поѣхалъ повидаться со своими, на Корсику.

Онъ попалъ на родину какъ разъ въ то время, когда Корсика снова сдѣлала попытку къ борьбѣ за свободу.

Наполеонъ въ началѣ принялъ участіе въ возстаніи, но потомъ, и очень скоро, отошелъ въ сторону. Онъ увидѣлъ, что у Корсики нѣтъ силъ ни на борьбу, ни на свободную жизнь. Возстаніе было ея послѣдней вспышкой передъ умираніемъ. Наполеонъ понялъ, что такъ или иначе, а Корсика будетъ побѣждена. Гибнуть вмѣстѣ съ ней онъ не захотѣлъ.

— Поѣду въ Индію, вернусь богачемъ, дамъ сестрамъ приданое, пристрою братьевъ,—говорилъ онъ матери, не зная, куда себя дѣвать.

— Жизнь мнѣ въ тягость. Радости отъ меня бѣгутъ. Все для меня одно мученіе,—жалуется онъ близкимъ, удрученный своимъ бездѣйствіемъ.

Онъ предлагаетъ русскимъ принять его на службу, чтобы драться съ турками, но Екатерина II отклоняетъ его предложеніе. Тогда Наполеонъ собирается предложить себя турецкому султану. Онъ ищетъ только случая прославиться. Въ чьихъ войскахъ биться, пока это ему все равно. Главное—не сидѣть безъ дѣла, ухватиться хоть за что-нибудь.

И вдругъ неожиданно все мѣняется.

Французское правительство назначаетъ Наполеона Бонапарта въ Тулонъ, только что взятый англичанами.

И опять, какъ въ Бриенской школѣ, въ тотъ день, когда снѣгъ неожиданно завалилъ школьный садъ, Наполеонъ весь преобразается. Въ немъ пробуждается геній битвы. Онъ составляетъ геніальный планъ и, считавшаяся неприступной, крѣпость разнесена. 24-лѣтній Наполеонъ произведенъ въ генералы. Но тутъ онъ снова остается безъ дѣла.

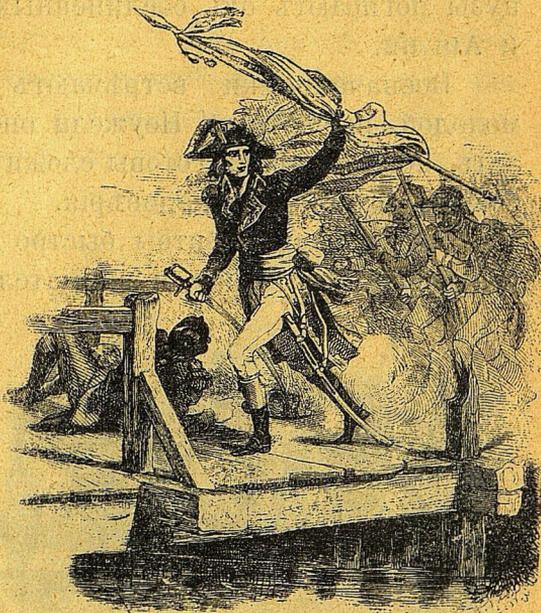
Теперь онъ поселяется въ Парижѣ и опять живетъ прежней скучной жизнью, которая кажется ему еще скучнѣе послѣ всего пережитаго въ бою.

Бѣдности онъ уже не знаетъ. Денегъ у него достаточно.

Наполеонъ въ юности.

Онъ помогаетъ семьѣ, можетъ и себѣ ни въ чемъ не отказывать. Часто бываетъ въ обществѣ. Побѣдитель въ модѣ. Его всюду приглашаютъ, но вездѣ онъ томится и скучаетъ. Въ нарядныхъ гостиныхъ, среди легкомысленныхъ и расфранченныхъ людей, онъ выдѣляется своимъ страннымъ видомъ. Небрежный въ одеждѣ, съ блѣднымъ, нервнымъ лицомъ, горящими глазами и длинными, черными до плечъ волосами, онъ производитъ впечатлѣніе орла, которому обрѣзали крылья и заставили ходить.

Наполеонъ при осадѣ Тулона.

Наполеонъ прощается съ Жозефиной.

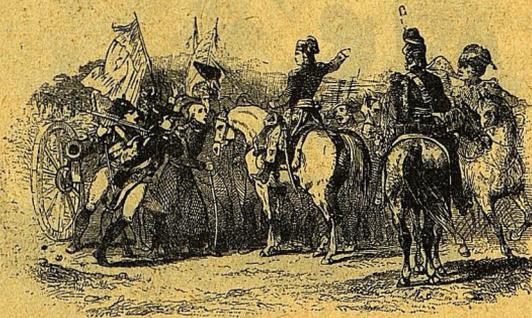
Въ одной изъ аристократическихъ гостиныхъ Наполеонъ встрѣчается съ красавицей-вдовой, Жозефиной Богарнэ. Онъ женится на ней и черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы получаетъ назначеніе въ Италію.

Наполеонъ счастливъ. Онъ горячо любитъ жену, страдаетъ, прощаясь съ ней, но войну любить еще больше.

— Наконецъ-то!—И онъ спѣшитъ въ Италію, гдѣ французы погибають отъ соединенныхъ силъ Австріи, Сардиніи и Англии.

Военачальники встрѣчаютъ его недовѣрчиво. Такой молодой, неопытный! Неужели онъ способенъ что-нибудь сдѣлать, когда старики готовы сложить оружіе? Они не скрываютъ своихъ сомнѣній и недовѣрія.

— На поляхъ битвы быстро старѣють,—говоритъ имъ въ успокоеніе Наполеонъ и внимательно изучаетъ войско.

— Солдаты, вы найдете честь, богатство, славу!

Солдаты утомлены переходами и битвами. Они обносились, у нихъ больше нѣтъ ни силъ, ни мужества. Но вдохновенный видъ генерала, побѣдителя при Тулонѣ, ободряетъ измученное войско. Наполеонъ же обращается къ нему съ такими словами:

— Солдаты! Вы почти наги. Вамъ нечего ѣсть. Я сведу васъ въ самыя плодоносныя равнины въ мірѣ. Передъ вами будутъ роскошныя страны, большіе города. Вы найдете тамъ честь, славу, богатство!

Это были настоящія слова. Зброшенное, погибавшее на чужбинѣ войско встрепенулось: явилась надежда. Молодой генераль принесъ съ собой новую жизнь. Генералы подружались съ офицерами, офицеры стали ѣсть изъ одного котла съ солдатами, шли рядомъ съ ними, какъ и они, босикомъ, съ сумками на плечахъ, шли, куда ихъ велъ генераль.

— Воины должны срывать лавры или умирать!—повторяетъ Наполеонъ при всякомъ удобномъ случаѣ. И смерть на по-

лѣ битвы уже не страшить людей. Побѣдить или умереть! Другого выхода нѣтъ.

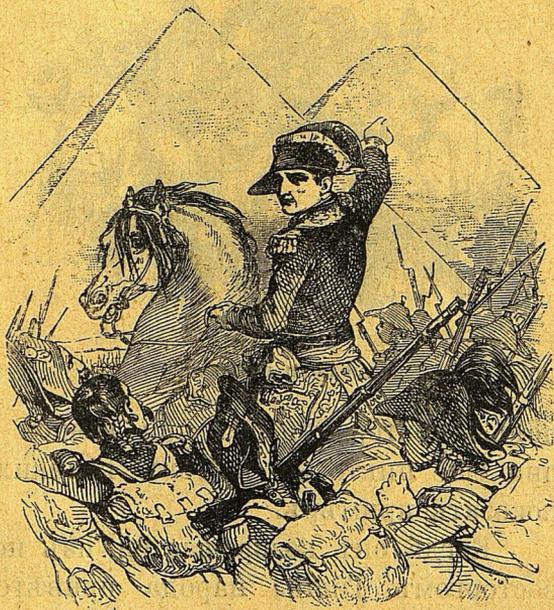
Французы тонуть въ крови, но, при первой же битвѣ съ новымъ генераломъ, войско чувствуетъ себя въ надежныхъ рукахъ. Наполеонъ Бонапартъ полководецъ, какихъ не было со временъ великихъ завоевателей древности. Онъ настоящій геній войны, и счастье за нимъ. Французы побѣдили. Наполеонъ Бонапартъ прославленъ.

Какъ разъ въ это время начинаются безпорядки и мятежи внутри самой Франціи, въ самомъ Парижѣ.

Страна, недавно сдѣлавшаяся республикой, т. е. замѣнившая королевское правленіе управленіемъ выборныхъ отъ народа, не можетъ справиться съ этимъ новымъ устройствомъ. Требуется вмѣшательство войска.

Начальство надъ нимъ поручаютъ Наполеону. Онъ возстановляетъ спокойствіе въ странѣ, но самъ въ ней не остается. Его тянетъ къ войнѣ, и онъ отправляется въ Африку завоевывать Египетъ.

И опять, какъ въ Италіи, онъ вдохновляетъ все войско. Въ рѣшительныя минуты онъ находитъ слова, кото-

— Солдаты, сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ вершины этихъ пирамидъ.

рыя поднимають въ душѣ солдата то, что необходимо для побѣды.

— Солдаты, вспомните, что сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ вершинъ этихъ пирамидъ!—говоритъ Наполеонъ, указывая на памятники глубочайшей древности, въ виду

Мамелюки побѣждены.

которыхъ остановилось французское войско, передъ страшными, слывшими непобѣдимыми, мамелюками.

Сказаль — и мамелюки побѣждены. Завоеватель входитъ въ городъ Каиръ. Онъ вѣрить въ свою счастливую звѣзду.

— То ли еще будетъ.—повторяетъ онъ при всякой новой побѣдѣ.—Въ наши дни еще никто не видѣлъ великихъ подвиговъ. Мое дѣло показать примѣръ.

Когда онъ возвращается изъ похода, его встрѣчаютъ съ восторгомъ. Толпы народа привѣтствуютъ побѣдителя. Имя Наполеона раздается повсюду.

Страна чувствуетъ, что завоеватель прославить ее. А слава—это то, что ей нужно. И Франція, благодарная Наполеону за то, что онъ уже сдѣлалъ и, полная самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее, отказывается отъ своего новаго устройства и выбираетъ его своимъ императоромъ.

Но Наполеону мало быть императоромъ одной страны. Онъ мечтаетъ побѣдить весь міръ.

Въ короткое время онъ побѣждаетъ и подчиняетъ себѣ

всѣ государства Европы, смѣняетъ прежнихъ владѣтелей, назначаетъ на ихъ мѣсто новыхъ изъ своихъ приверженцевъ или родственниковъ. Престолы онъ просто раздаетъ. Сестеръ своихъ сдѣлалъ королевами, братьевъ — королями. Вся Европа трепещетъ передъ Наполеономъ, передъ созданной имъ небывалой арміей, которую такъ и зовутъ „Великой арміей“.

Въ этой арміи три милліона французовъ и столько же иностранцевъ. Наполеонъ разбудилъ чудовище войны. Онъ сумѣлъ показать войну съ ея блестящей стороны, сумѣлъ ослѣпить людей, и за нимъ охотно идутъ уже не одни французы, а и тѣ, кого онъ побѣдилъ.

Великая армія прекрасно устроена. Солдаты поражаютъ храбростью и красотой выправки.

Вожди умѣло выбраны самимъ Наполеономъ, выбраны изъ людей незнатныхъ, но талантливыхъ. Императоръ далъ имъ все, что они имѣютъ. Они ему преданы. Главный вождь арміи, самъ Наполеонъ, герой изъ героевъ, полководецъ, всѣхъ побѣждающій, но самъ непобѣдимый.

Наполеонъ достигъ необычайной славы, но счастье его было не полнымъ: онъ мечталъ имѣть наслѣдника-сына, а у него съ Жозефиной не было дѣтей. И вотъ, недолго думая, онъ развелся съ женою и женился на дочери австрійскаго императора, эрцгерцогинѣ Маріи — Луизѣ. Черезъ годъ у нихъ родился сынъ. Наполеонъ былъ въ восторгѣ и, показывая новорожденнаго своимъ придворнымъ, воскликнулъ:

— Вотъ король римскій!

Теперь онъ былъ счастливъ вполнѣ, всѣ мечты его сбывались.

— Мы покончили съ Европой. Идемъ на востокъ. Еще немного — и я буду владыкой вселенной! — Такъ говорилъ Наполеонъ.

Онъ нѣсколько разъ предлагалъ свою дружбу императору Александру, хотѣлъ жениться на его сестрѣ, нѣсколько разъ старался обойти его хитростью, но это ему не удалось.

Наполеонъ рѣшилъ примѣрно наказать и страну, и ея императора. Кромѣ того, это былъ лишній случай прославить свое имя новой побѣдой. Въ побѣдѣ онъ не сомнѣвался.

Наскоро набросалъ онъ планъ: „Смоленскъ, Москва, Петербургъ... Одна, другая битва, и я въ Москвѣ. Александръ падаетъ передо мной на колѣни“.

И Наполеонъ двинулъ свою великую армію на Русь.

П. Мамаевъ.

На вершину Арарата.

(Окончаніе).

ПОКА я оканчивалъ свою работу, возвратились Джонсонъ съ Николаемъ Александровичемъ. Мы разбудили Ничипоренка и стали собираться въ обратный путь. Опять связались веревкой и начали понемногу спускаться по тому же скату, по которому поднялись.

Хотѣлось сѣсть и поѣхать внизъ, но нельзя: надо все время идти осторожно, чтобъ не попасть на крутые скаты и не полетѣть внизъ. Мы съ Николаемъ Александровичемъ крѣпко держались желѣзными когтями и поддерживали Джонсона и Ничипоренка, когда они начинали скользить. Скоро мы спустились до каменной стѣны, нашли свою трещину и по ней осторожно сползли къ тому мѣсту, гдѣ оставили Колю съ офицеромъ. Но тамъ ихъ уже не было; имъ надоѣло ждать, и они спустились пониже, къ той тропинкѣ, которую я съ Николаемъ Александровичемъ прорубили утромъ.

Сверху мы хорошо видѣли и ихъ, и Мура съ тремя казаками: всѣ они сидѣли рядышкомъ на нашей тропинкѣ поперекъ снѣжнаго ската и издали сверху были очень похожи на маленькихъ черныхъ птичекъ, сидящихъ на веревочкѣ.

Спускаться по камнямъ оказалось еще труднѣе, чѣмъ подниматься, такъ что мы только черезъ часъ добрались до этихъ „птичекъ“ и усѣлись съ ними рядомъ, чтобъ отдохнуть и поѣсть.

— Рассказывайте, что вы видѣли на вершинѣ.

— Дайте намъ сначала поѣсть.

— А что же вы будете ѣсть?

— Какъ что? Гдѣ же наша провизія?

Но Муръ и Коля только хохотали.

— Вамъ придется поголодать: провизія осталась тамъ, внизу, съ Григоріемъ Ивановичемъ, а то, что было при насъ, мы все съѣли.

Тутъ мы вспомнили, что утромъ захватили съ собой только по нѣсколько сухарей.

— Значить, надо скорѣе спускаться къ Григорію Ивановичу.

— Давайте спускаться по снѣгу: будетъ скорѣе.

— Только не очень раскатывайтесь, да берегитесь трещинъ въ снѣгу.

Осторожно, опираясь на палки, мы начали спускъ по твердому снѣгу; но удержаться на ногахъ было трудно; казалось, что кто-то все время подталкиваетъ сзади; ноги скользили и, чтобъ не упасть, надо было сѣсть на снѣгъ, упираться каблуками, а руками втыкать въ снѣгъ палки. Два казака попросту разостлали свои бурки, сѣли на нихъ и понеслись внизъ, какъ на санкахъ (рис. 14).

А съ Муромъ опять приключеніе: зазѣвался, выпустилъ изъ рукъ палку и поѣхалъ внизъ на боку.

— Держите, держите меня!— кричалъ онъ въ ужасѣ.

Я былъ выше и догнать его никакъ не могъ; по счастью на его пути оказался Николай Александровичъ.

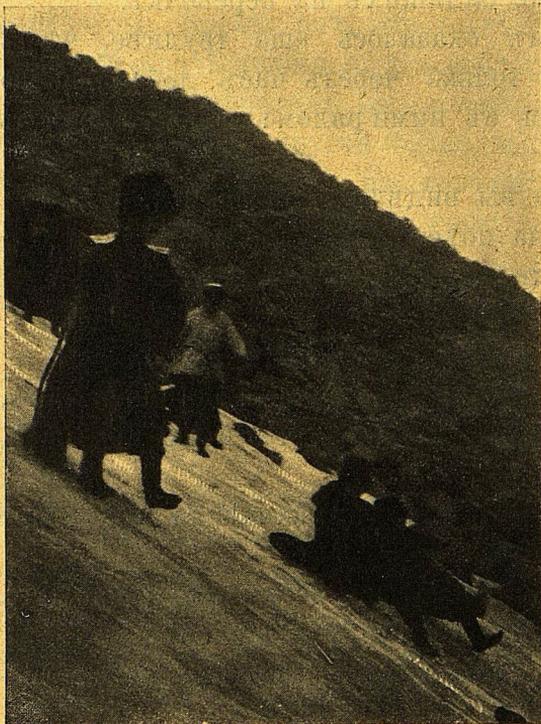

Рис. 14. Спускъ по снѣжному скату.

дали насъ курды-носильщики. Мы устроили привалъ, вскипятили чай, достали провизию.

— Смотрите, что дѣлаетъ этотъ курдь,— зашепталъ мнѣ Григорій Ивановичъ.

Курдь стянулъ одну жестянку съ провизіей, побѣждалъ съ ней за скалу и началъ открывать ее ключомъ: вѣрно, видѣлъ, какъ мы это дѣлали. Долго возился, наконецъ, открылъ,

Услышавъ крики Мура, онъ остановился, воткнулъ поглубже въ снѣгъ свою палку, уперся хорошенько желѣзными когтями и ждалъ... Я видѣлъ, какъ Муръ налетѣлъ на него, сбиль съ ногъ, и думалъ, что дальше они полетятъ оба. Однако, Николаю Александровичу удалось задержаться самому и удержать Мура за ногу.

Въ десять минутъ мы спустились до того мѣста, гдѣ ночевали, и гдѣ оставался Григорій Ивановичъ съ тремя казаками, провизіей и багажемъ. Здѣсь же ожи-

выбросилъ изъ нея прямо на землю порцію жаренаго мяса въ соусъ, а пустую жестянку спряталъ за пазуху.

— Глядите, какъ курда невѣрная пищу переводить, — негодовали казаки и вѣроятно поколотили бы вора, если бы офицеръ не прикрикнулъ на нихъ.

Позавтракавъ, мы продолжали спускъ.

Рѣшили опять спускаться по снѣгу, до конца ската. На этотъ разъ спускъ былъ длиннѣе; держаться все время на ногахъ было очень трудно: съ половины спуска почти все сѣли или легли на обледенѣлый снѣгъ и поѣхали на буркахъ, а то и просто на спинахъ. Только я съ Николаемъ Александровичемъ могли крѣпко держаться желѣзными когтями и свободно бѣжали внизъ по скату.

Мы кричали спутникамъ, чтобъ они были осторожнѣй, но кажется насъ плохо слушали: всемъ такъ нравилось быстро летѣть внизъ. Впрочемъ, все обошлось благополучно; только съ однимъ казакомъ и съ Колей произошли маленькія непріятности. Казакъ расшалился, попробовалъ просто покатиться по снѣгу и уже не могъ удержаться; мы видѣли, какъ онъ размахивалъ руками, какъ старался за что-нибудь уцѣпиться, потомъ распластался на снѣгу, понёсся внизъ и вдругъ исчезъ въ трещинѣ. Я, Джонсонъ и еще кто-то бросились къ этому мѣсту, разбросали рыхлый снѣгъ и вытащили казака. Онъ только слегка ушибся и поцарапалъ себѣ руки; папаху его нашли внизу на камняхъ.

Пока мы вытаскивали казака, Коля задержался на скатѣ и ждалъ, когда мы разступимся, чтобъ дать ему дорогу.

— Можно теперь? Ёду! — закричалъ онъ, выдернулъ изъ снѣга палку и пошелъ внизъ все скорѣй и скорѣй.

А внизу, у самаго конца снѣжнаго ската, протекалъ по льду ручеекъ. Коля разлетѣлся на буркѣ и съ размаху

въѣхалъ въ ледяную воду. Къ счастью курды съ багажемъ были недалеко, и Коля тутъ же на снѣгу могъ переодѣться во все сухое.

— А теперъ извольте, чтобъ согрѣться, итти до самаго Сардаръ-Булага, не останавливаясь,—сказалъ Николай Александровичъ.

Снѣжные скаты кончились, и мы продолжали спускъ по камнямъ. Вотъ мѣсто нашей первой ночевки; подъ этой скалой насъ мочилъ дождь; вотъ ручеекъ, изъ котораго мы брали воду; Григорій Ивановичъ нашелъ здѣсь забытый нами ножъ. Казаки хотѣли вырубить на скалахъ свои буквы.

— Пусть люди знаютъ, гдѣ мы были,—говорили они.

— Рубите,—сказалъ офицеръ,—только не возитесь долго и скорѣй догоняйте насъ.

Мы продолжали прыгать съ камня на камень и быстро спускались. Вотъ опять показалась кое-гдѣ травка, а вотъ и зеленая лужайка, на которой мы встрѣтили медвѣдя. Камней становится меньше, трава выше, гуще, снѣгъ лежитъ только кое-гдѣ въ ложбинкахъ. Намъ жарко; снѣгъ и холодъ остались на высотѣ, позади насъ. Насъ догоняютъ казаки.

— Ну что, вырубилъ?

— Ничего не подѣлать: очень крѣпкія скалы.

Мы спускаемся быстро, обгоняемъ другъ друга. Устали, но останавливаться не хочется. Сардаръ-Булагъ уже близко: сверху мы хорошо видимъ, что дѣлается на дворѣ: вотъ солдаты ведутъ на водопой лошадей; за ними бѣгутъ двѣ собаки; надъ кухней вѣется дымокъ: вѣроятно готовится ужинъ.

— Давайте, господа, еще прибавимъ ходу,—предлагаетъ офицеръ.

Черезъ часъ мы подходимъ къ Сардаръ-Булагу. На встрѣчу намъ высыпаютъ солдаты, отъ кочевки бѣгутъ

курдскіе мальчишки. Всѣмъ хочется видѣть насъ, узнать, какъ мы путешествовали, что видѣли на горѣ. Казаки поздравляютъ Ничипоренка и пристають къ нему, чтобъ онъ разсказалъ, что дѣлается на Араратѣ.

— Да ничего не дѣлается,—говоритъ Ничипоренко:—господинъ астрономъ въ трубки смотрѣлъ, а я спалъ—только и всего.

Мы принимаемъ отъ носильщиковъ багажъ, умываемся, переодеваемся. Джонсонъ и Муръ что-то записываютъ, Николай Александровичъ рассчитывается съ носильщиками, Григорій Ивановичъ лежитъ на солдатской койкѣ и мечтаетъ объ ужинѣ, Коля кормитъ мухами свою ящерицу, которая просидѣла въ стеклянной банкѣ все время, пока мы ходили на Араратъ.

Товарищи мои уже спустились съ Малаго Арарата, и мы втроемъ собираемъ, перетираемъ и укладываемъ наши инструменты.

Вечеръ. Опять всѣ мы собираемся у офицера, долго сидимъ и бесѣдуемъ объ Араратѣ, о курдахъ и о дорогѣ. Офицеръ обѣщаетъ пріѣхать къ намъ въ Петербургъ, я обѣщаю ему снимки изъ нашего путешествія. Уже поздно ночью, мы укладываемся и засыпаемъ усталые, но очень довольные своимъ путешествіемъ.

Утромъ мы собираемся въ дорогу. Николай Александровичъ, Григорій Ивановичъ и Коля хотятъ проѣхать къ деревнѣ Ахури и къ колодцу святого Іакова; имъ нужны лошади, но лошадей курды обѣщаютъ привести только въ полдень. Мои товарищи должны еще сдѣлать нѣсколько наблюдений въ Сардаръ-Булагъ и могутъ выѣхать только на другой день. Мнѣ, Джонсону и Муру нужно спѣшить въ Тифлисъ, и намъ некогда ждать лошадей. Курдскій старшина Меметъ

нашелъ курда, который согласился навьючить нашъ багажъ на своего вола и итти съ нами до Аралыха (Рис. 15).

— Неужели намъ придется итти пѣшкомъ черезъ пустыню?—спрашивалъ Муръ.

— Конечно, пѣшкомъ: вѣдь мы не можемъ вчетверомъ съ курдомъ и багажемъ помѣститься на одномъ волѣ.

Рис. 15. Курды-погонщики.

Часовъ въ 8 утра я и англичане простились съ остальными нашими спутниками и выступили изъ Сардаръ-Булага. Меметь и его пріятель казакъ (рис. 16) провожали насъ до Такиль-Ту. Впереди шель большой сѣрый волъ, на которомъ былъ навьюченъ багажъ, за воломъ—его хозяинъ курдъ; за курдомъ Меметь съ казакомъ и я съ Джонсономъ; позади всѣхъ тащился Муръ. Однако, шли мы довольно быстро и остановились на отдыхъ только въ Такиль-Ту. Здѣсь Меметь

съ казакомъ оставили насъ, и дальше мы пошли съ двумя солдатами пограничниками. Скоро началась песчаная пустыня, но на этотъ разъ итти было не жарко: съ утра весь Араратъ закутался тяжелыми тучами, а къ полудню тучи покрыли все небо; временами даже накрапывалъ дождикъ.

Опять мы взяли въ песокъ и пробирались сквозь колючки. Вотъ и Аралыхъ. Мы отпустили курда съ вломомъ и переложили вещи на подводу. На этотъ разъ подвода запряжена лошадьми, и мы быстро катимъ по степи къ Араксу. Благополучно проѣхали лужу, возлѣ которой въ прошлый разъ бились со своими буйволами, и часамъ къ

Рис. 16. Курдскій старшина, Меметь, и его пріятель казакъ Гаршинъ.

тремъ были уже у парома. Ждать пришлось недолго. Знакомый черный курдъ переправилъ насъ, и мы опять покатали на сѣверъ. Вдали показалось селеніе Комарлю и станція желѣзной дороги. Отъ Комарлю до Улу-Хан-Лу мы опять проѣхали на грузовой платформѣ, а въ Улу-Хан-Лу попали прямо къ пассажирскому поѣзду, идущему въ Тифлисъ.

Наконецъ, мы въ удобномъ вагонѣ. Поѣздъ трогается. Мы подходимъ къ окну, чтобъ еще разъ взглянуть на Араратъ. Небо расчистилось, и оба Арарата показались изъ-за тучъ.

Солнце садилось и послѣдними красноватыми лучами ярко освѣщало снѣжную шапку Большого Арарата. Малый уже былъ въ тѣни и стоялъ весь темно синій. По равнинѣ стлался сизый туманъ, и намъ казалось, что оба Арарата—огненно-красный Большой и темно-синій Малый—поднимаются изъ какого-то моря. Вотъ дорога сдѣлала поворотъ, поѣздъ вошелъ въ выемку, и Арараты скрылись изъ глазъ.

На другой день мы уже были въ Тифлисѣ.

А. Лондисъ.

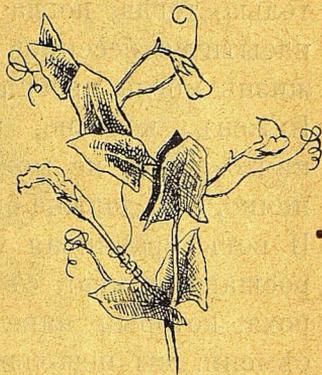
Знакомство съ царствомъ растений.

V.

Въ сосновый боръ.

ДОРОГА въ сосновый боръ идетъ полями. Однообразной полосой тянутся молодые всходы овса. Но вотъ они прерываются полоской знакомаго намъ по огородамъ гороха. Онъ еще не цвѣтетъ, но его красивые, молодые листья съ „усами“ останавливаютъ наше вниманіе. Для чего понадобились гороху усы? Всмотриваясь внимательно, мы замѣчаемъ, какъ иные изъ этихъ усовъ плотно обвилились вокругъ другой высокой травки съ крѣпкимъ, прямымъ стеблемъ, и высоко подняли все растеніе, тогда какъ нѣкоторые изъ его сосѣдей почти упали на землю. Очевидно, эти усы очень полезны для гороха, у котораго стебель слишкомъ слабъ; усами

же онъ обвивается вокругъ высокаго, крѣпкаго стебля другого какого-нибудь растенія и можетъ, такимъ образомъ, поднимать свои листья къ свѣту. Усы, если внимательно всмотрѣться, представляютъ изъ себя завитую срединную жилку листа, всѣ прочія части котораго не развились. Разсматривая молодые всходы гороха, мы замѣчаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ едва выступающіе изъ земли сѣмена. Вотъ удобный для насъ случай познакомиться съ сѣменемъ и его прорастаніемъ. Вѣдь это очень интересно! Мы выдергиваемъ одинъ молодой ростокъ и замѣчаемъ, что изъ тощаго сѣмечка выходитъ внизъ, въ землю, корешокъ, а наверхъ идетъ стебель, который и несетъ листики. А вотъ и одно только сѣмя, еще не проросшее. Мы беремъ его въ руки, при чемъ съ сѣмечка легко спадаетъ тоненькая, почти прозрачная оболочка, и оно легко распадается на двѣ мясистыя половинки (доли сѣмени—сѣмядоли). На одной изъ этихъ половинокъ сбоку мы замѣчаемъ такого же, почти бѣловато-желтоватаго цвѣта, какъ и сѣмядоли,—зачатокъ корешка, который сначала поднимается кверху, а затѣмъ нѣсколько загибается внизъ; отъ корешка идетъ маленькій стебелекъ съ двумя бѣловатыми листиками. Значить, въ сѣмечкѣ есть уже зачатокъ всего того растенія, всходы котораго мы видимъ здѣсь, въ полѣ; этотъ зачатокъ можно легко отдѣлить осторожно ногтемъ или ножикомъ. Когда-то мы играли этими сухими „горошинами“, какъ какими-нибудь камешками, и не подозрѣвали, что въ нашихъ рукахъ таится нѣсколько новыхъ прекрасныхъ жизней. Что же нужно нашему сѣмечку, чтобы его скрытая жизнь пере-

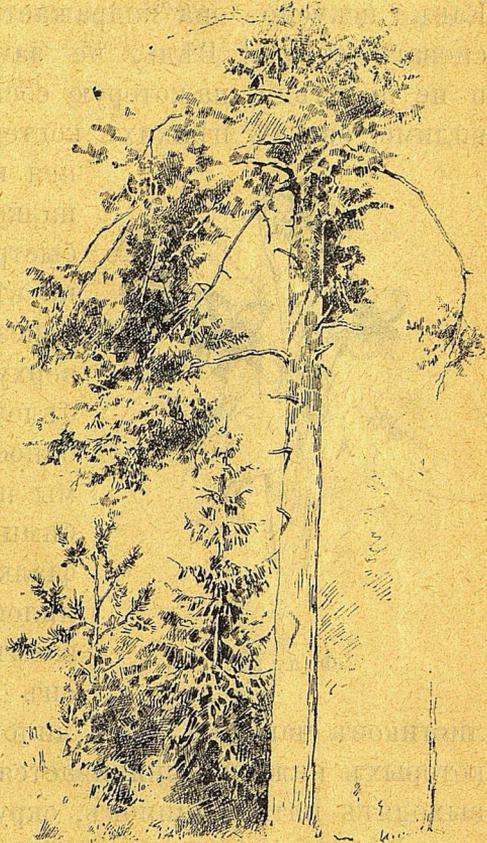
Горохъ.

шла въ явную, чтобы изъ него вышло молодое зеленое растеніе? Откуда и какъ оно достанетъ себѣ на первое время необходимую пищу, и какъ оно пробивается черезъ землю къ свѣту? Если внимательно присмотрѣться къ тому, что у насъ передъ глазами, то мы вѣроятно и получимъ почти всѣ отвѣты на интересующіе насъ вопросы. Всѣ мы знаемъ, что сѣмя не прорастаетъ зимой изъ-подъ снѣга, а прорастаетъ только тогда, когда весеннее солнце растопитъ снѣгъ, и земля насытится весенней влагой. Слѣдовательно, для того, чтобы жизнь могла пробудиться въ сѣмени, нужна влага и тепло. Нуженъ, конечно, и воздухъ для дыханія, безъ котораго ничто живое не можетъ существовать. А гдѣ же пища? Конечно, она должна быть заготовлена материнскимъ растеніемъ. И вотъ, сравнивая мясистыя сѣмядоли нашего, еще не проросшаго, сѣмени съ тощими сѣмядолями того проросшаго гороха, который навелъ насъ на мысль разсмотрѣть строеніе сѣмени, мы невольно предполагаемъ, что именно въ нихъ-то и находится запасъ пищи, который проросшее растеніе уже истощило и теперь само ее добываетъ; а такъ какъ молодой зачатокъ растенія, конечно, не можетъ питаться твердой пищей, то вотъ вода то, видимо, и необходима тутъ, прежде всего, чтобы въ ней распустилась (растворилась) эта пища; тогда ее и начнетъ всасывать молодой корешокъ. Эта же вода, набираясь въ корешокъ, стебелекъ и листики, помогаетъ корню углубиться въ землю, а стеблю и листьямъ подняться вверхъ, къ свѣту. Тогда уже молодой ростокъ начинаетъ, видимо, самостоятельную жизнь; корешокъ всасываетъ пищу изъ земли, стебель передвигаетъ ее къ листьямъ, по тѣмъ жилкамъ (трубкамъ, сосудамъ), которыя мы видимъ хорошо въ листь, а здѣсь эта пища перерабатывается на солнечномъ свѣтѣ и расходуется по всему растенію. Вотъ какую

великую тайну жизни открыли намъ эти маленькіе горошки! Какъ хорошо, что мы сдѣлали здѣсь привалъ и не прошли мимо нихъ. Однако, мы чуть не забыли про наше намѣреніе итти въ сосновый боръ. Онъ недалеко. Идемъ туда.

Стоить боръ, какъ величественный сѣдой старикъ. Сколько ему лѣтъ? А это очень просто разгадать: сосна (*Pinus silvestris*) образуетъ каждый годъ одинъ пучекъ вѣтвей, и если мы сосчитаемъ, сколько ярусовъ вѣтокъ имѣетъ сосна, то узнаемъ, сколько лѣтъ она прожила на свѣтѣ.

Мы начинаемъ всматриваться въ даль бора, въ безконечные ряды его желтовато-рыжихъ стволовъ, выискивать глазами цвѣтущихъ зеленыхъ травокъ. Случайно мы замѣчаемъ вдали, что какой-то звѣрекъ весело копошится на землѣ среди шишекъ. Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ нашъ незнакомецъ быстро поднялся по стволу одной изъ сосенъ и исчезъ изъ нашихъ глазъ. Мы приближаемся къ этой соснѣ и начинаемъ внимательно искать бойкаго звѣрка. Куда онъ исчезъ такъ скоро? Казалось бы такъ легко его найти въ этомъ прозрачномъ сосновомъ лѣсу. Посмо-

Сосна.

трите, вѣдь, вотъ онъ сидитъ на вѣткѣ, у самаго ствола. Мы съ трудомъ различаемъ среди желтовато - рыжаго фона стволонъ почти такого-же цвѣта звѣрка и признаемъ въ немъ бѣлку. Какъ искусно она подражаетъ своей окраской цвѣту сосноваго ствола! Вѣдь, не замѣтъ мы ее издали на землѣ и не прослѣди, на которую сосну она забралась, при помощи, видимо, своихъ цѣпкихъ когтей, мы бы могли пройти мимо

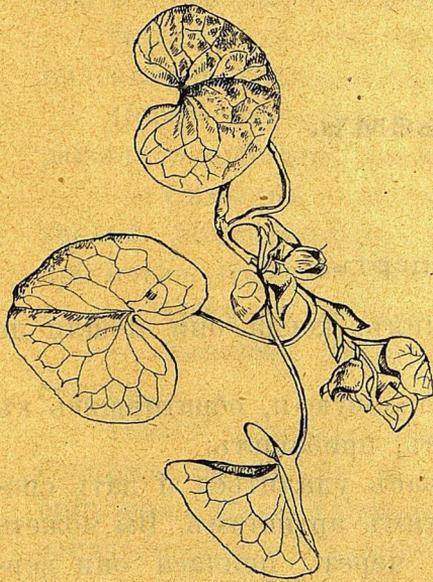

Фіалки.

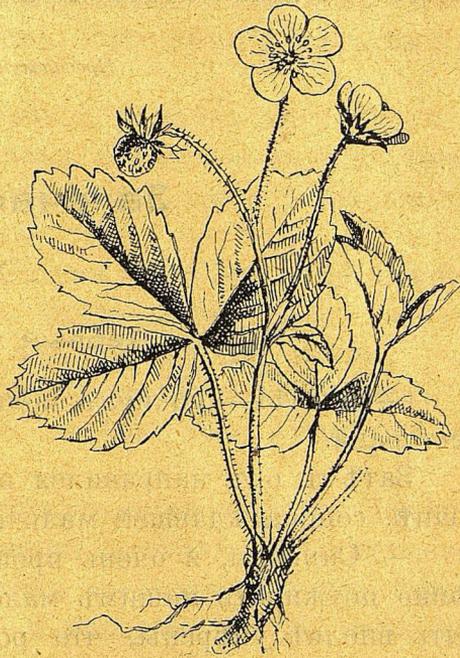
нея и не замѣтитъ. Мы ударяемъ палкой по стволу дерева; звѣрокъ быстро перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево и исчезаетъ въ глубинѣ лѣса, среди верхушекъ сосенъ. Полюбовавшись бѣлочкой, которая такъ оживила однообразный и молчаливый боръ, мы начинаемъ искать нашихъ любимцевъ-цвѣтовъ. Вотъ красивая фіалка (*Viola odorata*), съ крупными лиловыми цвѣтами. Мы разсматриваемъ ея цвѣтокъ и замѣчаемъ, что онъ состоитъ изъ пяти зеленыхъ

листочковъ чашечки, пяти лиловыхъ лепестковъ вѣнчика, изъ которыхъ нижній выпячивается въ особый шпорецъ, откуда выходятъ пять тычинокъ, окружающихъ одинъ пестикъ, съ загнутымъ крючкомъ рыльцемъ. Шпорецъ устроенъ здѣсь, конечно, не напрасно. Попробуемъ осторожно ввести туда заостренный сучекъ. Какъ только мы дотронемся до загнутаго крючкомъ рыльца, которое стоитъ на пути къ шпорцу, столбикъ поднимается, а тычинки расходятся въ стороны и высыпаютъ пыльцу. То же самое вѣдь произойдетъ и въ томъ случаѣ, если пчела или шмель, привлекаемые яркой окраской

и душистымъ запахомъ цвѣтка, прилетятъ сюда за сладкимъ нектаромъ, который спрятанъ въ глубинѣ шпорцы; какъ только хоботокъ ихъ погрузится въ шпорець, часть пыльца непременно попадетъ на хоботокъ и голову, когда-же насекомое прилетитъ на другой такой же цвѣтокъ, то, забираясь

Копытень.

Цвѣтущая земляника.

опять своимъ хоботкомъ, покрытымъ пылью, въ шпорець, вѣроятно, задѣнетъ за стоящій на пути пестикъ, и нѣсколько пылинокъ пристанутъ къ его крючковатому рыльцу. А вѣдь нашей фіалкѣ только этого и нужно: пыльца попадетъ черезъ столбикъ въ завязь, и начнутъ зрѣть сѣмена, въ которыхъ будетъ таиться жизнь до будущей весны, когда новое, молодое поколѣніе опять украситъ этотъ боръ своими лиловыми цвѣтами.

Далѣе, кое-гдѣ встрѣчаются красивые бѣлые цвѣты земляники (*Fragaria vesca*), да большіе, округлые, глянцевитые листья копытеня (*Asarum europaeum*). Вотъ и всѣ почти обитатели сосноваго бора. А дальше, сѣдой оленій мохъ, да шишки, да безконечные ряды сосновыхъ стволовъ, которые далеко въ лѣсу сливаются въ сплошной буровато рыжій занавѣсъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За счастьемъ.

X.

Первый концертъ.

— Стопъ!—крикнулъ полковникъ, когда они дошли до ресторана.

Затѣмъ онъ направился въ столовую и, обратившись къ толпѣ, сопровождавшей мальчиковъ, прибавилъ:

— Синьоры, я очень прошу васъ удалиться и дать спокойно поужинать нашимъ маленькимъ артистамъ. Вы можете быть вполне увѣрены, что ровно черезъ полчаса они вернутся къ вамъ на площадь, и вы будете имѣть случай убѣдиться въ ихъ музыкальныхъ способностяхъ.

Послѣ этихъ словъ многіе сейчасъ же разошлись, другіе же остались возлѣ ресторана и стали смотрѣть въ окошки на ужинавшихъ мальчиковъ.

— Однако, не мѣшаетъ подумать и о нашихъ четвероногихъ друзьяхъ,—сказалъ Тоттоно, преважно усаживаясь за столъ, между тѣмъ какъ Таніэлло и Дженарино все еще стояли сконфуженные возлѣ стола.

— Усаживайтесь же поскорѣй, друзья мои,—поторопиль ихъ полковникъ.

И ужинъ начался.

Какъ только мальчики увидѣли передъ собой горячее кушанье, они сразу забыли о всякихъ стѣсненіяхъ и принялись уничтожать ѣду съ невѣроятной быстротой. Офицеры были довольны развлеченіемъ. Ресторанный залъ загудѣлъ отъ ихъ громкаго смѣха.

Каждый хотѣлъ чѣмъ-нибудь угостить мальчиковъ. Имъ подбавляли кушанья на тарелки, подливали вина въ стаканы.

Послѣ макаронъ и варенаго мяса, лица ужинавшихъ выражали полнѣйшее блаженство.

— Синьоры, — началъ Тотоно, — мы въ затрудненіи: не знаемъ положительно, чѣмъ отблагодарить васъ за гостепріимство. Будьте увѣрены, что я и мои товарищи...

— Отлично, отлично! Потомъ вы насъ повеселите.

— Конечно. Непремѣнно. И отъ всей души. Отъ всего сердца.

Послѣ чудеснаго итальянскаго вина—кіянти, Дженарино совсѣмъ осмѣлѣлъ и принялся рассказывать исторію съ синьоромъ Каландроне во всѣхъ ея подробностяхъ. Офицеры заинтересовались разговоромъ и рѣшили помочь мальчикамъ. Ужинъ закончился сладкими пирожками, любимымъ угощеніемъ Таніэлло. Но больше шести штукъ онъ съѣсть никакъ уже не могъ, и потому принялся предусмотрительно засовывать ихъ за пазуху.

Тотоно между тѣмъ, съ важностью опытнаго путешественника, распространялся о Швейцаріи:

— Синьоръ Каландроне давно уже поджидаетъ насъ съ Прыгуномъ. Приѣдемъ, устроимся и сейчасъ же выпишемъ къ себѣ родныхъ изъ Неаполя... Но будьте увѣрены, дорогіе

синьоры, что и для васъ у насъ всегда найдется помѣщеніе... Почему вы всё смѣтаетесь? Увѣряю васъ, я великолѣпно знаю и Швейцарію, и швейцарцевъ.

Дженарино и Таніэлло, точно зачарованные, смотрѣли на Тотоно во всё глаза. Но вдругъ Дженарино струсилъ. Ему показалось, что Тотоно зашелъ ужъ слишкомъ далеко, и что это не доведетъ до добра. Онъ зналъ, что, когда Тотоно заврется, то остановиться ему трудно.

— Тотоно, другъ мой, ты увлекаешься. Конечно, въ Швейцаріи чудесно, но...

— Отвяжись, дуракъ!—оборвалъ его Тотоно.

— Какъ, я — дуракъ? А ты...

— Молчать! Не мѣшай говорить. Я все знаю получше тебя.

— Ничего ты не знаешь. И никогда ты не былъ... Вотъ я сейчасъ все про тебя расскажу...

— Нахаль!

И они чуть не подрались. Офицеры во-время развели ихъ.

Таніэлло не принималъ участія въ спорѣ. Онъ сидѣлъ, закрывъ лицо руками.

— Мальчики, ужинъ конченъ. Теперь скорѣй за дѣло! Собирайте свои инструменты и идемъ на площадь,—сказалъ полковникъ.

Черезъ нѣсколько минутъ маленькіе неаполитанцы очутились на улицѣ. Несмотря на поздній часъ,—было уже десять часовъ вечера,—площадь была полна народа. Мальчики остановились передъ кондитерской, гдѣ столики стояли прямо на воздухѣ, и сразу запѣли одну изъ веселыхъ неаполитанскихъ пѣсенъ. Возбужденные видомъ толпы, они старались изо всёхъ силъ и, когда кончили, вокругъ раздались аплодисменты, смѣхъ и крики.

Послѣ пѣнія мальчикамъ захотѣлось исполнить любимый

номеръ синьора Каландроне, и они разыграли сцену изъ театра маріонетокъ. Въ этой сценѣ они были дѣйствительно великолѣпны. Толпа бурно выражала свой восторгъ, а жена полковника, которой мужъ успѣлъ разказать исторію трехъ музыкантовъ, взяла подносъ, первая положила на него пять лиръ, а потомъ обошла съ нимъ сначала офицеровъ, а потомъ солдатъ и всѣхъ зрителей. Всѣ давали охотно, и она собрала 72 лиры.

Толпа не могла успокоиться и требовала повторенія.

Таніэлло, самый изобрѣтательный изъ всѣхъ трехъ, когда не дрожалъ отъ страха,

холода или голода, досталъ откуда-то юбку, желтый платокъ, переодѣлся женщиной и сразу вошелъ въ роль. Теперь мальчики разыграли комическую сценку. Она имѣла еще больше успѣха, чѣмъ первая.

Представленіе закончилось тарантеллой.

Къ полуночи публика стала постепенно расходиться. Скоро на площади остались только одни офицеры съ женами.

— Въ постель!—скомандовалъ полковникъ. Онъ видѣлъ, что мальчики устали и хотятъ спать.

Никогда никакая команда не была встрѣчена съ такимъ восторгомъ. Маленькіе неаполитанцы со всѣхъ ногъ

Мальчики остановились передъ кондитерской и заѣли одну изъ веселыхъ неаполитанскихъ пѣсень.

бросились въ гостиницу, гдѣ полковникъ заказалъ имъ комнату.

Такъ великолѣпно закончился первый день ихъ путешествія.

XI.

Безполезные совѣты.

Хозяинъ гостиницы стучалъ... стучалъ... Стучалъ безъ конца.

„Да живы ли они?“ мелькнула у него въ головѣ тревожная мысль, и онъ сталъ стучать съ такою силою, что дверь чуть не сорвалась съ петель.

— Оставьте насъ въ покоѣ! Мы еще спимъ,—раздался, наконецъ, заспанный голосъ Дженарино.

— Лежебоки! Лѣнтяи! Да подымайтесь же, наконецъ, сони безсовѣстные! Одѣвайтесь и выходите въ залъ. Тамъ васъ ждетъ жена полковника.

Услышавъ это, мальчики разомъ вскочили съ огромной кровати, на которой проспали безъ просыпу десять часовъ. Въ одну минуту они были совсѣмъ готовы.

Жена полковника была дама среднихъ лѣтъ. У нея было энергичное лицо съ неизмѣнной добродушной улыбкой. Она была очень мужественная женщина и еще совсѣмъ молодою сопровождала своего мужа въ походахъ, въ качествѣ сестры милосердія. Она была родомъ изъ сѣверной Италіи, и многое въ характерѣ южанъ ей было совершенно чуждо. Она не раздѣляла общаго увлеченія маленькими странствующими музыкантами. Ей они представлялись бродягами, которыхъ, въ лучшемъ случаѣ, можно только пожалѣть. И она пришла

къ нимъ съ самыми благими намѣреніями. Ей захотѣлось ихъ исправить и вернуть на путь истины.

— Здравствуйте, друзья мои! Хорошо ли вы выспались?

— О, синьора, мы спали, какъ принцы.

— Очень рада за васъ. А теперь сядемъ и поговоримъ.

— Можетъ быть, вы хотите послушать какую-нибудь пѣсенку? Приказывайте. Приказывайте безъ всякаго стѣсненія,—любезно предложилъ Таніэлло. Онъ былъ готовъ полюбить жену добраго полковника.

— Нѣтъ, какія тамъ пѣсни, мой другъ,—остановила его синьора. Она сразу стала очень серьезной.—Мы поговоримъ совсѣмъ о другомъ, о вещахъ гораздо болѣе важныхъ.

— Увидишь, что она заговорить объ ослѣ,—шепнула Таніэлло, задрожавъ отъ страха и наклонившись къ самому уху Тотоно.—Вотъ, когда мы попадемъ въ полицію.

— Ахъ, замолчи!—отмахнулся отъ него Тотоно.—Итакъ, синьора, мы васъ просимъ сейчасъ же приступить къ серьезному разговору. Мы умираемъ отъ нетерпѣнія.

— Мы васъ слушаемъ,—поддержалъ Дженарино.

— Отлично. Я хочу поговорить о вашей будущности.

Будущность! Вотъ странное слово! И какое непонятное. Мальчишки съ изумленіемъ переглянулись.

„Что это такое: будущность? Непонятно, но я не сомнѣваюсь, что мы попадемъ въ очень скверную исторію“, подумалъ Тотоно.

А Дженарино вдругъ вспомнилось, что гдѣ-то онъ видѣлъ газету, въ заголовкѣ которой стояло это странное слово: „Будущность“.

„Можетъ быть, синьора хочетъ предложить намъ заняться розничной продажей этого изданія“, сообразилъ онъ.

— Но что же съ вами, друзья мои? Почему вы вдругъ

замолчали?—воскликнула синьора.—И чему вы так удивляетесь? Не думаете ли вы, что можно прожить цѣлую жизнь среди пѣсенъ, шутокъ, фокусовъ и танцевъ! Вамъ необходимо подумать о томъ, что вы будете дѣлать завтра, послѣ завтра, черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, черезъ десять лѣтъ, наконецъ!..

— Но, синьора,—робко проговорилъ Тотано,—онъ первый рѣшился возразить ей,—мы ѣдемъ въ Швейцарію, къ синьору Каландроне.

— Ахъ, довольно этой чепухи,—строго оборвала его синьора.—Я не хочу больше смотрѣть на ваши глупости и вздора не хочу больше слушать. Я пришла къ вамъ не съ пустыми руками. Вчера вамъ собрали 72 лиры, да отъ продажи осла выручено 150 лиръ. Всего, значить, выходитъ 222 лиры. Это уже капиталъ. Теперь можно серьезно поговорить о вашей будущности.

Мальчики рѣшительно ничего не понимали. На этотъ разъ отъ радости.

— 222 лиры! Какое богатство!

Дженарино не разъ приходила мысль избавиться отъ осла и продолжать путешествіе по желѣзной дорогѣ. Это было бы гораздо удобнѣе и скорѣе. Но какъ это устроить, онъ положительно не зналъ. И вотъ, все уладилось, какъ по волшебству. Дженарино, въ порывѣ восторга, бросился цѣловать руку синьоры:

— Боже, какъ вы добры! Мы безконечно вамъ благодарны.

— Тихе, тихе, мой другъ. Вы можете больше, чѣмъ словами, доказать мнѣ свою благодарность: послушайте моихъ совѣтовъ.

— Съ радостью послушаемся!—крикнулъ Таниэлло. Ему казалось, что въ мѣшочкѣ, который принесла съ собой синьора, никакъ не меньше милліона.

— Вотъ и отлично. Теперь слушайте. Съ этого дня вы должны забыть пѣсни, музыку, фокусы, танцы, Швейцарію и вашего синьора Каландроне. Вы поступаете въ корпусъ. Мой мужъ, близкій другъ министра, васъ опредѣлитъ туда. На собранныя деньги вы можете одѣться вполне прилично. Если ихъ не хватитъ—доплачиваю я. Итакъ, въ корпусъ, друзья мои. Лѣтъ черезъ 10-15 вы будете уже храбрыми офицерами.

Ахъ какъ они удивились! Затаивъ дыханіе, они во всѣ глаза смотрѣли на полковницу.

Въ эту минуту что-то зашуршало и зацарапалось возлѣ кровати. Съ нея соскочилъ Прыгунъ. Рѣдко ему удавалось такъ хорошо выспаться, какъ на этотъ разъ. Потягиваясь и позѣвывая, онъ подошелъ къ своимъ хозяйкамъ.

Они взглянули на него, и всѣмъ троимъ сразу пришла одна мысль: „Позволить себя запереть въ корпусъ! Проводить время среди дѣтей разныхъ синьоровъ! Разстаться съ вѣрнымъ, неразлучнымъ товарищемъ Прыгуномъ! Нѣтъ, все это было бы непереносно.

— Невозможно!—крикнулъ Дженарино. Крикъ его больше относился къ его собственнымъ мыслямъ, чѣмъ къ ожидавшей отвѣта синьорѣ.

— Что такое невозможно?—спросила она.

Но ей никто ничего не отвѣтилъ. Молчаніе дѣлалось все болѣе и болѣе тягостнымъ.

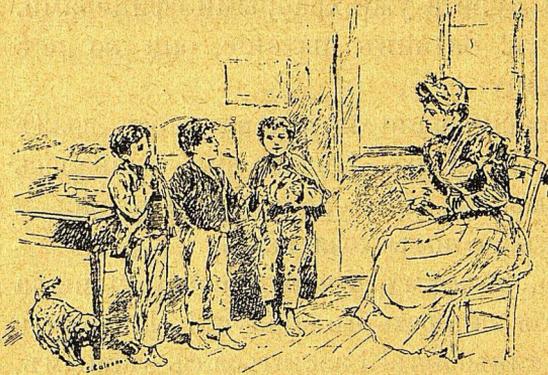
Тогда она поняла, что сдѣлала большой промахъ. Надо было иначе приступить къ дѣлу, начать совсѣмъ съ другого. Не слѣдовало сразу говорить о корпусѣ.

— О чемъ вы теперь задумались, друзья мои? Неужели вамъ не хочется покончить съ бродячей жизнью? Вы только представьте себѣ: вѣдь я хочу сдѣлать изъ васъ трехъ маленькихъ синьоровъ, трехъ храбрыхъ офицеровъ... трехъ...

— Покорно благодаримъ, синьора,—сухо отвѣтилъ Дженарино.

— А, вотъ что! Значитъ вы намѣрены оставаться навсегда шалопаями? Изъ васъ никогда не выйдетъ порядочныхъ людей? Такъ я поняла васъ?

Опять наступило глубокое молчаніе.

— Неужели вамъ не хочется покончить съ бродячей жизнью?

Наконецъ, синьора совсемъ вышла изъ себя и крикнула рѣзкимъ голосомъ:

— Неужели вамъ не стыдно? Не стыдно бродить по улицамъ, пѣть и плясать на потѣху людей? Да развѣ вы лучше какихъ-нибудь дрессированныхъ собаченокъ?.. Ужасно подумать, изъ-за чего вы

только отказываетесь отъ моего предложенія!

— Видите, синьора, намъ немного страшновато... Вѣдь мы привыкли жить, какъ хотимъ... И дѣлаемъ мы, что хотимъ. А корпуса мы не знаемъ. Пожалуй, тамъ трудновато будетъ съ ученьемъ. А дѣти синьоровъ? Ихъ мы тоже опасаемся. Захотятъ ли они знаться съ нами — это еще вопросъ.

Такъ говорилъ Дженарино, не обращая никакого вниманія на Тотоно, знаками просившаго его замолчать.

— Вы меня поняли, синьора?

— Перестань, наконецъ!—оборвалъ его Тотоно.—Довольно ты наболталъ всякихъ глупостей. Мы должны прежде всего, какъ слѣдуетъ, поблагодарить синьору. Да, да, поблагодарить

ее, броситься къ ея ногамъ. О, какъ безконечно добра синьора. Родная мать не могла бы больше заботиться о насъ!..

Тутъ полковница бросилась къ Тотону, стала его обнимать, цѣловать.

А Тотону продолжалъ свое:

— О, я не стою вашей доброты, положительно не стою. Оставьте меня съ этими дураками, моими товарищами, дорогая синьора. Я поговорю съ ними, вразумлю ихъ и ручаюсь: вы не узнаете ихъ, когда вернетесь сюда.

— Прекрасно! Очень хорошо, мой мальчикъ, — обрадовалась полковница. — Ты утѣшилъ меня, мой другъ. Теперь я уйду. Отправляюсь сказать полковнику, чтобы онъ сейчасъ же написалъ министру.

И сіяющая синьора вышла изъ комнаты.

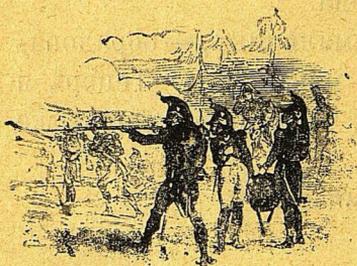
(Продолженіе слѣдуетъ).

Историческій календарь.

12 іюня 1812 года день вторженія Наполеона въ Россію. Уже цѣлый годъ Наполеонъ собиралъ войско для похода въ Россію и, наконецъ, весною двинулъ къ русской границѣ армію въ 600 тысячъ. Никогда еще французскій императоръ не выступалъ въ походъ съ такими огромными силами. Кромѣ французовъ, въ его арміи были воины двадцати европейскихъ государствъ. Съ нимъ шли итальянцы, швейцарцы, голландцы, австрійцы, пруссаки, нѣмцы, испанцы, португальцы. Недаромъ эту армію называли, арміей „двунадесяти языковъ“. Всѣ народы, покорные завоевателю, выставили, по его приказу, своихъ солдатъ. Люди бросили семьи, дома, родину, разстались со всѣмъ, что имъ было дорого, и пошли раззорять

чужую землю. Многіе пошли неохотно, но Наполеонъ сьумѣлъ, какъ всегда, воодушевить свое войско.

—Этотъ походъ будетъ еще славнѣе прежнихъ,—говорилъ онъ солдатамъ.—Вамъ предстоитъ побѣдить Россію. Москва и Петербургъ будутъ наградою вашихъ подвиговъ. Тамъ вы найдете золото, серебро и такія сокровища, какихъ царь Крезъ, славившійся въ древности богатствомъ, не имѣлъ въ царствѣ своемъ. Вы будете господствовать надъ русскимъ народомъ, а онъ раболѣпно станетъ исполнять всѣ ваши приказанія.

Французскіе кирасиры.

Наполеонъ спѣшилъ, и армія иногда двигалась даже по ночамъ. Тогда дорогу освѣщали кострами. Императоръ, окруженный блестящей свитой, ѣхалъ въ каретѣ.

На сотни верстъ растянута армія. За ней обозъ. Кого только въ немъ не было: однихъ пекарей—три тысячи. Много ремесленниковъ; нѣкоторые взяли съ собой семьи. Наполеонъ мечталъ заселить ими Россію.

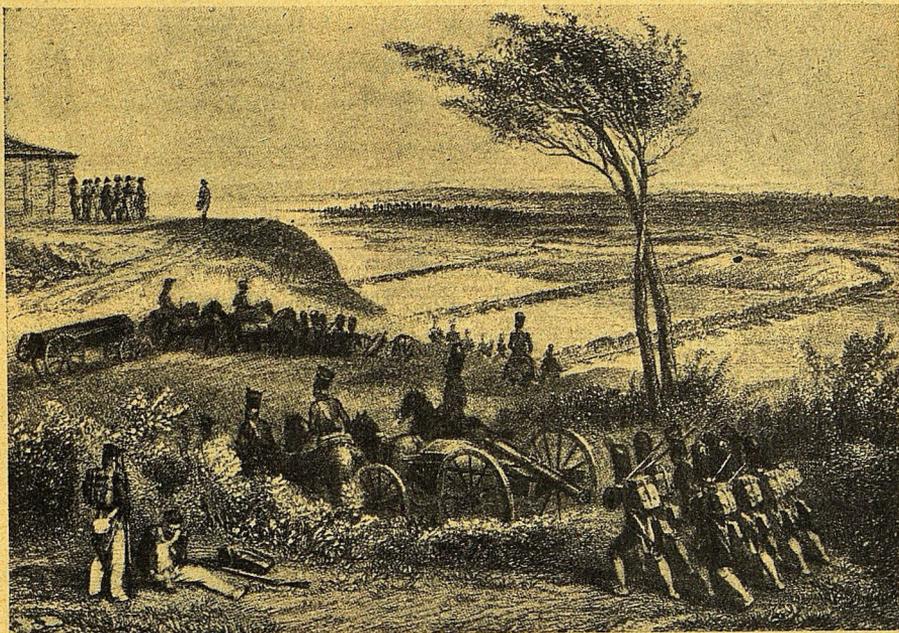
Людей тучи. Запасъ провіанта огромный. Великая армія не должна ни въ чемъ терпѣть недостатка. Не взяли только хлѣба и корма для лошадей: Россія славится и тѣмъ, и другимъ. Армія попадетъ въ страну какъ разъ въ пору жатвы и будетъ брать всего, сколько ей нужно.

Къ вечеру 11 іюня войско подошло къ Нѣману и остановилось напротивъ города Ковно.

Наполеонъ самъ осмотрѣлъ берегъ, самъ намѣчалъ мѣста для переправы. Когда онъ ихъ выбралъ, сейчасъ же стали наводить мосты. Работали цѣлую ночь. Къ утру разразилась гроза, но это не задержало переправы. Какъ только все было

готово, Наполеонъ подалъ знакъ, и, заглушая раскаты грома, войско, гремя ружьями и саблями, двинулось на другую сторону Нѣмана.

Наполеонъ съ горы смотрѣлъ на переправу.

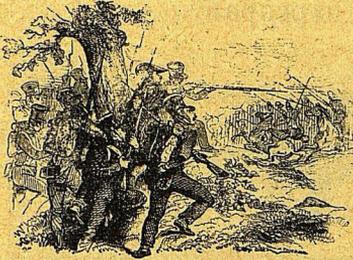

Переходъ французской арміи черезъ Нѣманъ.

Прошла гроза, кончился ливень, выглянуло солнце, засверкали латы и кованые шлемы, заблестѣли штыки и ружья. Драгуны съ развѣвающимися черными лошадиными хвостами на каскахъ, усачи гренадеры въ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ съ красными султанами, въ синихъ мундирахъ съ бѣлыми отворотами, тѣлохранители императора въ зеленыхъ мундирахъ, кавалерія въ яркихъ цвѣтныхъ курткахъ съ золотыми галунами—все стройными рядами спускались къ рѣкѣ.

Заколыхались мосты подъ чѣшыми и конными. Поднялся топотъ и гулъ. Врагъ вступилъ на нашу землю.

— Одна, другая побѣда—и я покончу съ Россіей, — гово-

Перестрѣлка.

рилъ Наполеонъ и нетерпѣливо вы-
сматривалъ русское войско, съ кото-
рымъ ему хотѣлось какъ можно
скорѣй сразиться. Но битвѣ не съ-
кѣмъ. Кругомъ одни пески, мрачные
сосновые лѣса, болота, да кое-гдѣ
опустѣлыя убогія деревушки. Людей
не видно. Всѣ попрятались по лѣ-
самъ, захвативъ съ собой лошадей,

скотъ и все, что поцѣннѣе. Жутко становится людямъ въ
незнакомой безлюдной мѣстности. Желтые пески чередуются
съ густыми лѣсами. Гущина кажется
таинственной, страшной. Иногда изъ
нея раздаются ружейные залпы. Па-
даютъ убитые, раненые; ихъ, правда,
немного, но они производятъ сильное
впечатлѣніе. Азарта битвы нѣтъ, ти-
шина—и вдругъ смерть, страданія.
Отъ времени до времени налетаютъ
и непріятельскіе отряды. Выскочатъ,
нежданно, изъ какой-нибудь засады,
дадутъ нѣсколько залповъ и скроются.
Особенно тревожатъ казаки. Русской
арміи данъ приказъ отступать отъ не-
пріятеля, избѣгать сраженія, пока не
наберутъ еще войска. У насъ его
слишкомъ мало, чтобы выдержать натискъ великой арміи.
Но казаки рвутся въ бой. Ихъ не можетъ сдержать даже ихъ

Атаманъ казакѡвъ,
графъ Платѡвъ.

атаманъ Платовъ. На своихъ легкихъ, быстрыхъ коняхъ они выскакиваютъ изъ самыхъ неожиданныхъ засадъ, дѣлаютъ быстрый наскокъ на непріателя, ранятъ, убиваютъ и исчезаютъ, прежде чѣмъ французы успѣваютъ опомниться. Случаются и стычки отдѣльныхъ отрядовъ. Остаются убитые и раненые съ обѣихъ сторонъ, но настоящей битвы нѣтъ, да и биться все еще не съ кѣмъ. Русскаго войска не видно и не слышно.

Князь Баграціонъ.

— Эти русскіе трусливы, какъ зайцы, — говоритъ Наполеонъ. — Надо ихъ догнать и заставить биться.

Но русскіе не бѣгутъ. Обѣ арміи, одна подѣ начальствомъ князя Баграціона, а другая съ Барклаемъ де-Толли во главѣ, отступаютъ въ строгомъ порядкѣ.

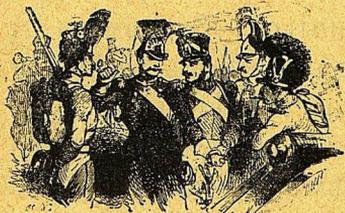
Отступаютъ, потому что это имъ такъ нужно, а Наполеонъ ничего не понимаетъ и раздражается. Отъ нетерпѣнія онъ сдѣлался нервень. Плохо спитъ, по ночамъ вскакиваетъ съ походной постели, подходитъ къ столу, разглядываетъ карту Россіи.

Подвигаться впередъ великой арміи дѣлается все труднѣе. Въ началѣ, послѣ переправы, ее мучили ливни и непролазная грязь. Артиллерія съ трудомъ тащилась, провіантъ отставалъ, солдаты иногда голодали. Лошадей было нечѣмъ

Барклай-де-Толли.

кормить. Въ безлюдныхъ деревушкахъ снимали солому съ крышъ и кормили ею лошадей. Но потомъ и соломы не заставляли. Жители, разбѣгаясь, стали поджигать свои избы, чтобы ничего не доставалось непріятелю.

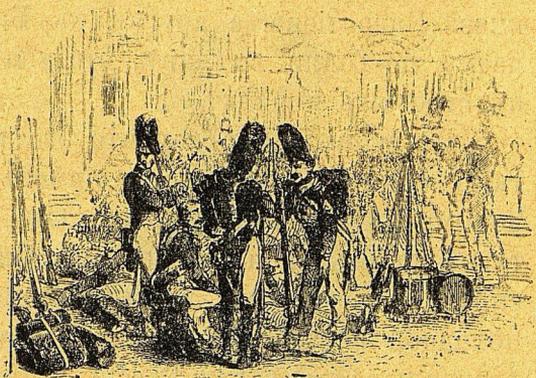
Французскіе солдаты.

Кончились ливни, и настали небывалыя жары.

Солдаты изнемогали въ своихъ подтянутыхъ мундирахъ, въ ботфортахъ-пудовикахъ, въ огромныхъ киверахъ, съ тяжелыми ранцами и ружьями за плечами. Съ просохшихъ дорогъ поднималась страшная пыль и горячею тучей стояла надъ арміей, а битвы все не было.

Дошли до большого города—Вильно. Разсчитывали на бой, но Вильно, какъ и Ковно, сдались безъ сопротивленія.

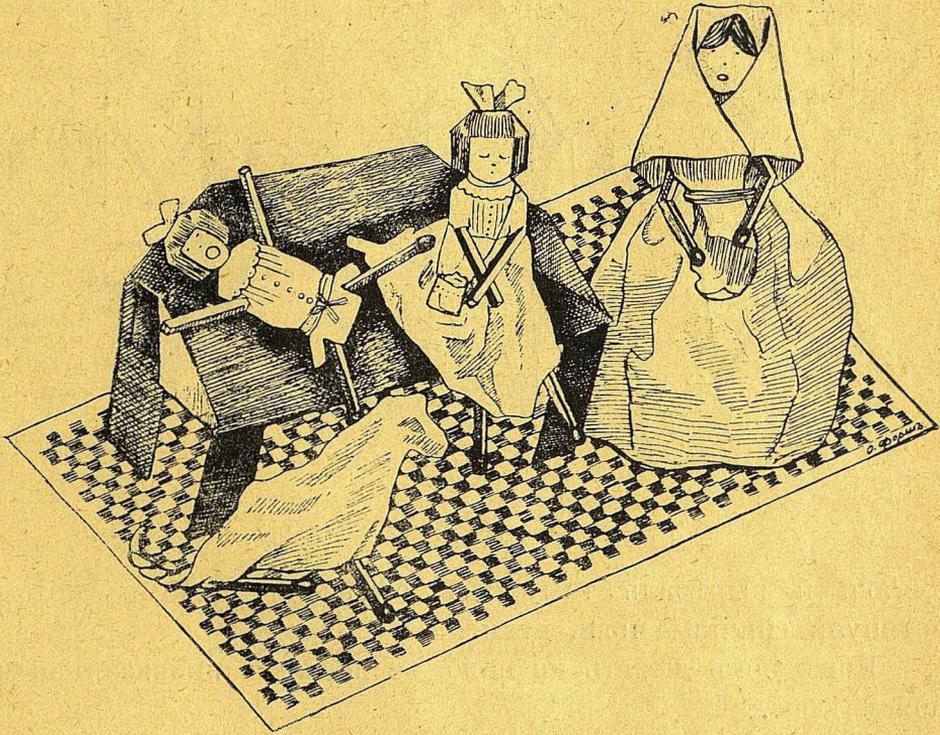
Французы идутъ дальше. Идутъ мимо безлюдныхъ, обгорѣлыхъ деревушекъ къ Витебску. Надѣются сразиться хоть здѣсь. Городъ сдается безъ боя. Жителей почти нѣтъ. Все бѣжало. Солдаты великой арміи раздражены. Досталось отъ нихъ несчастному городу. Здѣсь, въ первый разъ, оскорбили они русскія святыни: вводили лошадей въ церкви, пили вино изъ церковныхъ сосудовъ.

Французская гвардія.

Изъ Витебска армія двинулась на Смоленскъ, откуда лежалъ уже прямой путь въ Москву,

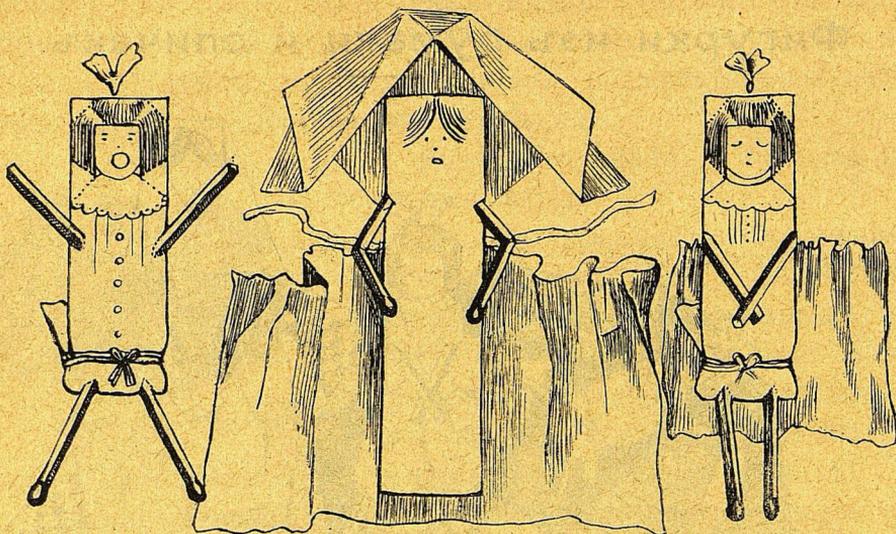
Фигурки изъ бумаги и спичекъ.

Вотъ коверъ, на коврѣ диванъ, на диванѣ Примѣрница и Капризница. Рядомъ няня въ накрахмаленной юбкѣ, и на коврѣ собачка.

Все это дѣти сдѣлали очень скоро: коврикъ сплели изъ разноцвѣтной бумаги, собачку скрутили изъ мягкой, диванъ вырѣзали изъ картона.

А куколокъ дѣлали такъ: сложили вчетверо кусочекъ

бумаги и вырѣзалп тамъ, гдѣ отмѣчено точками, потомъ воткнули спички—ноги, руки.

Нянѣ ногъ дѣлать не надо, ее держитъ привязанная къ поясу юбка.

Лица, пуговицы и воротнички нарисованы карандашемъ бантики вставлены въ середину головокъ. Теплый нянинѣ платокъ изъ промокашки.

О. Форизъ.

Редакт.-Издат.: П. Соловьева и Н. Манасеева.

Соловьева П. С. (Allegro) „Елѣна“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. 3-е изданіе
Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ переплетѣ 65 к.

ОДОВРЕНО для ученяч. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученяч. библ. низшихъ
учебн. завед. и дѣтскихъ пріготовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Ученнымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученяч. библ. низшихъ училищъ.

Соловьева П. С. (Allegro) „Семилѣтна“. Народныя сказки. Съ рисунками. Цѣна въ
обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

*Ученнымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученячскія бібліотеки низшихъ учеб-
ныхъ заведеній.*

ОДОВРЕНО для ученяч. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученяч. библ. низшихъ
учебн. завед. и дѣтскихъ пріготовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библ. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стих. Съ рисунк. Ц. 20 к.
ОДОВРЕНО для ученяч. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученяч. библ. низшихъ
учебн. завед. и дѣтскихъ пріготовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя бібліотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Рагадай-на!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Березкины именины“. Пьеса въ стих. Съ рисунк. автора. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученяч. библ. низшихъ учебн. завед., пріготовъ, малолѣтн. отд. и пріготов. класе.
средн. уч. завед. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Наня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйств. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.

ДОПУЩЕНО въ библ. низш. учебн. завед., пріготовъ, малолѣтн. отд. и пріготов. класе. средн. уч. зав.
Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.

Соловьева П. С. (Allegro) „Жизнь Хитролиса“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Съ
рисунками В. Рабе. Цѣна въ переплетѣ 2 р.

*Ученнымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученяч. библ. городскихъ училищъ и
привлечено подлежащимъ внесенію въ списки книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученяч.
библ. средн. учебн. завед.*

ОДОВРЕНО для ученяч. библ. низшихъ учебн. завед., прігот., малолѣтн. отдѣл. и пріготов. класе.
средн. учебн. завед. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Новый годъ“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 20 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Царевна Земляничка“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 30 к.

Франсъзъ Анатоль „Пчелна“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.

ОДОВРЕНО для ученяч. библ. младш. возраста средн. учебн. заведеній и для ученяч. библ. низш.
учебн. завед. и дѣтскихъ пріготовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученнымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученяч. библ. низшихъ учебн. завед.

Шапиръ Л. Н. „Люди и звѣри“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Шедеръ Е. І. „Пушкинскіе уголки“. Съ рисунками автора. Цѣна 20 коп.

ОДОВРЕНО для учен. библ. младш. класс. средн. уч. зав. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Новыя изданія „Тропинки“.

Манаскина Н. И. „Церботная принцесса“. Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II.
Съ иллюстраціями Т. Гишціусъ, портретами и снимками со стар. гравюръ. Цѣна въ
переплетѣ 2 р. 50 к.

*Ученнымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ включенію въ списки книгъ,
заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученяч. библ. средн. учебн. заведеній.*

Оду, Маргарита. „Паушукъ“ Переводъ съ французскаго. Со снимками съ карт.
и рисунковъ Миллэ. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. „Дѣдушнино кольцо“. Пьеса въ стихахъ съ рисунк. автора. Цѣна 25 к.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ,
если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

7-й годъ
изданія.
12 книжекъ
въ годъ.

„ТРОПИНКА“

3 рубля съ
доставкой
въ годъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

Выходитъ 1—5 каждаго мѣсяца въ 4—6 печатныхъ листовъ
(60 печатныхъ листовъ въ годъ).

Пробный № въ редакціи стоитъ 25 к., съ перес. 35 к.; наложеннымъ
платежомъ не высылается.

Въ редакціи имѣются комплекты 1908, 1910 и 1911 гг. —
комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. всѣ разошлись.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ
редакцію и не позже срока полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовле-
творять не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ
редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При
перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій уплачивается
20 к., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній, иногородняго
на петербургскій или иногородняго на иногородній уплачивается **40 к.**
До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по
старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2 до 4 часовъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спб., Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ №. 497-55.

Редакт.-Издат. *П. Соловьева и Н. Манасеина.*

Въ Москвѣ книги изданія „Тропинка“ продаются и подписка на жур-
наль „Тропинка“ принимается въ слѣдующихъ магазинахъ: „Наука“,
Б. Никитская, 10. Въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи. „Ступени
Знанія“, Мясницкая, 5, флиг. 6. Филимонова, Б. Никитская, 22.

